

В. А. ДЕМИНА

Свердловск

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ТРАДИЦИИ КРЕСТЬЯНСКИХ ПРЕДАНИЙ

(на материале экспедиций 1972—1973 гг. в Камышловский район
Свердловской области)

Собранный нами материал несказочной прозы систематизируется впервые и поэтому представляется оправданной жанровая и сюжетно-тематическая его классификация. Тексты подразделяются на следующие группы:

I. Предания топонимические:

- а) собственно топонимические (о названиях сел, рек и т. д.),
- б) ономастические (толкующие прозвища).

II. Предания об исторических лицах (Ермаке, Разине, Пугачеве).

III. Предания о силачах.

IV. Былички (о дьяволе, колдунах, лешем и т. д.).

V. Рассказы о современности.

Предания, записанные в селах Камышловского р-на, основаны на событиях, которые действительно имели или могли иметь место в этом районе. Местоположение вблизи от Сибирского тракта способствовало появлению в преданиях образов ссыльных, разбойников, переселенцев, которые стали традиционными для фольклора этих мест. Рассматривая предания в их отношении к действительности, можно заметить, что широко бытуют те из них, в основе которых лежит реальный факт или факт, вполне объяснимый.

Сюжеты и мотивы преданий дают представление о них как об оригинальном жанре. Опираясь на исследования А. Н. Веселовского, Ю. М. Соколова, В. Я. Проппа, можно сказать, что все многообразие преданий не равно такому же разнообразию сюжетов. Сюжетов гораздо меньше. По определению А. Н. Веселовского, «сюжеты — это сложные схемы, в образности которых обобщились известные акты человеческой жизни и психики в чередующихся формах бытовой действительности. С обобщением соединена уже и оценка действия, положительная или отрицательная»¹. Много-

¹ А. Н. Веселовский. Поэтика сюжетов. — В кн.: Историческая поэтика. Л., 1940, стр. 495.

образе преданий достигается варьированием сюжетов. В определении сюжетов и их вариантов мною использована методика, предложенная В. П. Кругляшовой².

1. Малоразнообразными по сюжетам являются топонимические предания. Они могут быть и бессюжетными или с едва намеченным сюжетом. В преданиях Камышловского р-на, объясняющих то или иное название, встречается один и тот же едва намеченный сюжет: название было дано в честь человека-деятеля, в честь того, кто первый основал село, кто сделал бродок и т. д.: «Микула — трудолюбивый был. Очистил бродок-то, чтобы другие могли проехать. Вот стал Микулин бродок»³ (№ 19).

Следует согласиться с утверждением В. К. Соколовой об однообразии преданий, «объясняющих топонимы как производные от имен владельцев и лиц, пользовавшихся теми или иными удобствами»⁴. Многие из них только сообщают факт:

Евсейн лог. «Евся — мужик такой был. Он эту землю-то держал» (№ 16).

«Поповщина — место так называется, а раньше там поповская земля была» (№ 17).

В группе преданий об основателе села ситуация одинакова во всех текстах: первый поселенец был тот-то и поселился здесь у реки. Разнообразие этих преданий создается благодаря различному толкованию социальной принадлежности первопоселенца:

ссылный («Ссылный Квашнин был отправлен в Сибирь. Здесь он построился. Первый-то дом был у речки — 50 метров от дороги. Вот и село Квашнино стало») (№ 2);

блудный, бездомный (осмысливается в традиции преданий о разбойниках);

переселенец («Раньше все старались земли побольше прихватить. Вот и выехал мужик по прозвищу Квашня. Поселился здесь, у реки. Деревня и стала называться Квашнино») (№ 1).

Сюжет один, а вариантов столько, сколько разных общественных категорий представлено в образе первопоселенца, выступающего под одной фамилией — Квашнин.

Репертуар преданий дифференцирован в связи с условиями жизни, с общественной практикой населения этой местности. В данном случае все варианты могли соответствовать действительности, ибо они отражают факты, происходившие когда-то на этой территории. В преданиях, толкующих происхождение с. Квашнино, чувствуется стремление его жителей дать объяснение, которое

² В. П. Кругляшова. Жанры сказочной прозы уральского горнозаводского фольклора. Свердловск, 1974.

³ В статье использованы тексты преданий из фольклорного архива УрГУ, Коллекция «Камышловский район — 1972, 1973». Цифры в скобках обозначают порядковый номер текста в коллекции.

⁴ В. К. Соколова. Типы восточнославянских топонимических преданий. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, стр. 215.

соответствовало бы исторической действительности, показать причастность и их села к историческим событиям.

Жителей оскорбляет объяснение названия села от вязкой, как квашня, грязи: «Вот, говорят, Квашнино называется, что «грязи, мол, у вас много. Месите грязь». А не потому село так названо. Квашнин был первый житель» (№ 3).

В сюжетах ономастических преданий не столько изображаются действия, сколько констатируется состояние: прозвище было дано по (за): по имени кого-то, в честь кого-то (по деду, мужу, отцу и т. д.); за внешний вид, черту характера и пр. («куропатка» — короткие ноги, «журавлята» — длинноногие и т. д.).

Прозвища производятся: от собственных имен жителей — «Митрошиха», «Макарята», «Назарята» и т. д.; от слов, произнесенных кем-то (А мы вот «Малинята» были. Мужик у меня плясал чудно: ровно на месте топчется. Ему говорят: «Малина в рот-от». Вот «Малинята» и звались») (№ 44); связаны с трудовым умением. Вот прозвище, данное за способность человека многое сделать, смастерить: «Куракин». «Он до всего мастер был. Инструменты хорошие делал, рамы для окон, а что сделает — комар носу не подточит. Вот и говорили: «Опять раму скурал». Отсюда прозвище пошло — «Куракин» (№ 38). Глагол «курать» в говорах Среднего Урала имеет значение: выполнять кропотливую работу, возиться с чем-либо⁵.

Ономастические предания ярче, чем другие группы преданий, сконцентрировали в себе эстетические вкусы населения. Особенно это проявляется в отношении к прозвищам: «Раньше людям почто-то все прозвища давали. Как будто имени нет. Да дурные все прозвища. То по мужику назовут — Митрошиха. Али красиво это?» (№ 42). Отношение к прозвищам неодобрительное; жители сел совсем отказываются от пояснения таких прозвищ, за которыми скрыты неприличные или неприятные истории.

Прозвище «красивята» толкуется по-разному различными рассказчиками. Предание о «красивятах» варьируется:

Прозвище это было дано в честь какого-то красивого старика, детей которого прозвали «красивятами».

«Красивятами» назывались бедные мужики, жившие в Заречье, для данного случая записано несколько вариантов. В некоторых из них слышна ирония, ощутимы отголоски социальных противоречий дооктябрьской деревни: «В Заречье бедные мужики жили, а прозвали их «красивятами». Они любили пофорситься, сами себя показать, одеться хорошо, чтобы любили. Разной моды придерживались, чтобы и за богатыми угнаться. «Хоть на грош, да с вилки» (№ 31). В других — ирония носит более безобидный характер:

«красивята» — они на конях любили красоваться, скакать, вот потому и прозвали» (№ 33);

⁵ Словарь русских говоров Среднего Урала, т. 2. Свердловск, 1971, стр. 75.

«...были хвастливенькие; похвастались: «Мы, мол, красивые». Такие были» (№ 32).

II. Предания об исторических лицах по сюжетам более разнообразны, чем топонимические. О Ермаке обнаружены нами три сюжетных разновидности:

1. Ермак действует в Сибири, завоевывает земли. В этой группе преданий историческая основа ощутима, иногда время действия Ермака указывается точно: «Ермак времен царя Ивана Грозного...» (№ 57). Относительно миссии Ермака в этом сюжете существует два варианта:

Ермак защищал богатых купцов (по их просьбе) от татар, поэтому продвигался в Сибирь.

«Вел войны с инородцами, завоевывал местность» (№ 57).

Хотя мотивы, побуждавшие его к завоеванию Сибири, разные, но сам Ермак осмысливается одинаково: в традиции преданий о разбойниках («...Он был разбойник — не разбойник, а мстительный был. Любил грабить...») (№ 52). Возможно, такая интерпретация образа Ермака зависит от представлений людей Камышловского р-на о местном разбойнике Пашке Ермаке, действия которого нагоняли на всех страх. «Пашка Ермак — находчивый такой, гарусил все; верткий был: сам подожжет и первым на пожар бежит. Лошадь у него была, Карчошкой звали. Так он лошадь в избу заведет, хозяев испугает. Все его боялись» (№ 51).

2. Действия Ермака связаны с Камышловским р-ном. Он здесь или землю пахал, или прошел по деревне в кандалах. В обоих случаях он — «сылный». («Ермак-то раньше здесь у нас был. Он у нас по хозяйству здесь делал, землю пахал. А сам-то он сослан был в Сибирь») (№ 53). Ссылные постоянно проходили по Сибирскому тракту, производили сильное впечатление на местных жителей, поэтому в фольклоре упрочилась традиция изображения «сылных».

В преданиях этой группы историческая основа образа Ермака нарушена, отчего разрушается и структура исторического предания.

3. Ермак действует не на Урале и не в Сибири. «Он только до Москвы дошел. В Москве в домах коней держал» (№ 54). В этом случае происходит явная путаница. Ермаку приписаны действия Наполеона.

На характер сюжетов о Степане Разине также оказала влияние местная традиция.

Он действует как разбойник. «Княжну украл, да в Волгу бросил» (№ 65).

Деятельность его как политического лица не описывается, просто констатируется факт: «Разин — тоже политический был» (№ 61). В такого рода преданиях историчность не ощущается, это ведет к изменению их структуры.

В преданиях, где действия Разина воспроизводятся в соответствии с действительными событиями (он был казачий атаман,

шел против правительства, чтобы свергнуть власть помещиков), историческая основа носит общий характер, она не конкретизирована.

Сюжетов преданий об исторических лицах немало, но ощущается их близость, похожесть. В особенности это касается преданий, в которых герои действуют в местных условиях. Местная традиция приводит, с одной стороны, к однообразию сюжетов внутри группы преданий об одном каком-то герое (герой осмысливается и как ссыльный, и как политический, и как завоеватель), а с другой стороны, к близости сюжетов внутри всей группы исторических преданий.

Локальный характер преданий способствовал изменению их структуры. Многие из них превратились в компилятивные, утратив историческую основу. («Ермак в Сибири не был. Он только до Москвы дошел...») (№ 54). В других преданиях историческая основа ощутима, но не конкретизирована, подана весьма общо: «Стенька Разин — казачий атаман, шел против правительства. Надо ему было свергнуть власть помещиков» (№ 67). Отдаленность сел от действительно происходивших событий накладывает, таким образом, отпечаток на судьбу преданий — в них исчезает историческая основа. В таких преданиях происходит приращение имен более ранних исторических героев к более поздним, т. е. события осмысливаются на основе какой-либо ассоциации. Происходит резкое хронологическое смещение. Так, Пугачев или Разин были, по преданиям, полководцами, боролись против помещиков и поэтому их действия ассоциируются с событиями революции и гражданской войны. («Пугачев прошел по нашей деревне. Мы в ямах сидели, а они стреляют из пулеметов»).

Все исторические герои, по преданиям, так или иначе действуют в данных населенных пунктах.

III. В преданиях о силачах варьирование достигается изменением веса и характера тяжести. Вид тяжести — сугубо крестьянский: силач поднимает огромное бревно, мешки в 12 пудов, вывозит воз, который не под силу лошади.

В преданиях о единоборстве силачей сюжет весьма определен, он включает в себе конфликт. Приведем пример: «Раз поехали наши в Ирбит. А из Ирбита навстречу 50 возов. А у них тоже силач сидит — татарин. Встретились возы-те и друг дружке не вступают дорогу. Тут решили, чтобы силачи померились силами. Татарин-то хвастался, вышел такой гордый. А наш «Журавлюшко» подоспел, схватил его за пояс, через голову перемотнул и отбросил в снег. Ну, те возы и отворотили» (№ 73). В этом предании ситуация напоминает единоборство богатырей в былинах. Образы силачей так же близки героям былин. Сила богатыря нарочито преуменьшается, его скромности и обычному внешнему виду противопоставлены хвастовство и горделивость противника. Тем значительнее победа силача в конце. Эпические традиции ощутимы в изображении способа борьбы: «Егор сильный был. Как на него

нападут кто, он возьмет одного, да и начнет им всех сшибать...» (№ 83).

В преданиях о поднятии тяжести сюжет ощутим, но конфликта он не содержит:

«...Дом строили, надо было бревно большое поднять на сруб. Ну, мужики решили: «После обеда». Ушли обедать. А парень-то, ему лет 12 всего и было, один поднял его да и на сруб положил. Мужики и шкандылись» (№ 80).

IV. В быличках передаются в разной интерпретации два сюжета:

1. Герой принимает какое-то животное за свое, а это оказывается «нечистая» сила (дьявол, леший, домовый и т. д.). «Мужик потерял барана, нашел его в лесу. Взял в сани. А лошадь-то поднялась на дыбы. Выбросил он барана и говорит: «Да ведь это дьявол». А дьявол-то и захохотал» (№ 97).

2. И обратный случай: герою чудится дьявол, леший, ведьма и пр., а это оказывается какое-то реальное лицо или животное, а часто просто, по выражению рассказчиков, «блазни» (привиделось). «У соседей раньше отец в бане мылся, а там два ятненка было посажено, он и выскочил, поблазнило ему, что дьявол пришел» (№ 98).

В быличках варьируется образ «нечистой» силы (леший, дьявол, колдун, домовый, привидение и т. д.) или лица и животные, которые принимались за нечисть: баран, лягушка, гусыня, теленок, «белые бабы» и т. д.

В конце каждой былички присутствует «разоблачение», высказанное рассказчиком. Оно стало возможным при рассказывании быличек только в наше время, когда совершенно изменились представления народа. «Раньше в дьявола-то верили. А мы не верим. Не блазнило нам никогда...» (№ 86).

V. Рассказы из современной жизни представляют собой еще не устоявшиеся формы, передаваемые от первого лица. В них запечатлены представления людей о мужестве борцов и странах капитала. Можно предположить, что отдельные, наиболее яркие мотивы этих рассказов перейдут в предания. Возможно, через некоторое время удастся записать предания о стойкости «Ангелы-девицы», которую американцы держали в тюрьме (№ 101).

В результате рассмотрения жанровых и тематико-сюжетных групп «несказок» Камышловского р-на можно сделать некоторые выводы. В настоящее время бытуют с различной степенью активности жанры предания, рассказа-воспоминания, былички. В традиционные сюжеты преданий и быличек проникли представления и оценки наших современников — советских людей. Постоянным компонентом быличек становится реалистическое толкование, «разоблачение» фантастической ситуации или демонологического персонажа. Это ведет к разрушению жанра, исчезает отношение к рассказам как к достоверным, к были.

Темы и сюжеты преданий разнообразны: о человеке-деятеле,

имя которого легло в основу географического названия, о перво-поселенцах-ссыльных, переселенцах, беглых; об исторических лицах — Ермаке, Разине, Пугачеве; о силачах, применяющих силу в единоборстве с противником или в труде. Значительную группу составляют ономастические рассказы, в которых содержится объяснение, толкование прозвища, «уличной» фамилии.

В рассмотренных группах преданий обнаружены варианты. В их образовании значительную роль играет местная традиция. Она проявляется в характере персонажей (ссыльные, переселенцы, проходимцы), в их действиях. Местные мотивы проникли и в предания об общерусских исторических героях — Ермаке, Разине, Пугачеве. Их деятельность связывается с Камышловским р-ном в прошлом, они осмыслены в традиции ссыльных, «разбойников». Удаленность предания от места, где происходили события, ведет к заметному ослаблению их конкретного историзма. В преданиях о силачах обнаружены мотивы, аналогичные с мотивами русских воинских былин.
